

Культурная жизнь Барнаула и других населенных пунктов Алтая в записках 1917–1919 годов священника и эсперантиста Иннокентия Серышева

Судьба подарила Государственному музею истории литературы, искусства и культуры Алтая знакомство с Алексеем Петровичем Ивачёвым (г. Сидней) — известным в свое время в Австралии радиожурналистом.

Русский по происхождению, из уссурийских казаков, Алексей Ивачёв родился в 1945 году в поселке Эхо Китайско-Восточной железной дороги. Его отец — белый офицер — был арестован СМЕРШем в Маньчжурии в 1945-м и погиб в ГУЛАГе. Мать с детьми переехала в Харбин, а в 1957-м — в Сидней (Австралия).

Алексей Ивачёв окончил Сиднейский университет. Работал промышленным психологом и синхронным переводчиком на международных конференциях. Одно время жил в Швеции. В 1988 году вернулся в Австралию, где около 20 лет был бессменным ведущим и руководителем русской сиднейской редакции государственного радио SBS.

Алексей Петрович и ныне участвует в жизни русской общины. Пишет для русской местной газеты «Единение», продолжает собирать данные о русских захоронениях в Австралии, коллекционирует русские книги дореволюционных отечественных и зарубежных изданий и хранит переданные ему некоторые архивные материалы видных деятелей русской Австралии.

В прошлом году Алексей Петрович подарил музею редкие издания Николая Рериха («Держава света», «Сердце Азии») и Георгия Гребенщикова («Радонега», «Русская песня»), вышедшие в издательстве «Алатас», а также книгу Георгия Гребенщикова «В просторах Сибири», напечатанную в Париже «Русским книгоиздательством Я. Поволочного».

Особое внимание музейных работников привлекла книга Георгия Гребенщикова «Русская песня», поскольку имела дарственную надпись автора отцу Иннокентию Серышеву. Эта книга — свидетельство долгого знакомства и общения Гребенщикова со священником, эсперантистом, востоковедом, издателем Иннокентием Николаевичем Серышевым.

Алексей Петрович Ивачёв хранит некоторые архивные материалы И. Н. Серышева, он предоставил нам возможность ознакомиться с частью из них.

Как известно, Иннокентий Серышев около пяти лет жил и работал на Алтае. Этот период жизни отец Иннокентий описал в автобиографическом пятитомном труде «В земном плане моего бесконечного бытия», над которым работал в 1950 годы. Рукопись Серышева объемом 4245 страниц так и не была издана. Но благодаря доброй воле Алексея Петровича Ивачёва, в архиве которого есть экземпляр этого сочинения, мы имеем

Иннокентий Николаевич Серышев.
1920 годы. Все фото предоставлены А. П. Ивачёвым.
Публикуются впервые

возможность ознакомиться с отдельными фрагментами из 34-й и 35-й глав автобиографии Серышева, где автор описывает все пережитое им на Алтае.

Елена Огнева

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

...теперь сообщу о моем любимом и незабвенном Культпросвете — это был наиболее интересный и плодотворный этап моей жизни, где я развернулся «во всю», в областном масштабе, если не сказать больше.

Организован «Культурно-Просветительный Отдел Алтайских кооперативов» или сокращенно Культпросвет при двух мощных Союзах Кооперации (Кредитных Товариществах и Потребительных Обществах) Алтайского края соцдемократом Порфирием Алексеевичем Казанским и эсером Иваном Григорьевичем Зобочевым. Оба — прекрасные люди, идейные, но не крайние

социалисты, о коих у меня и моей жены осталось самое светлое воспоминание, особенно о Зобочеве, которого можно назвать святым социализма, удивительно кротким и милым человеком. Они были истинные народники, способные, обходительные и приветливые.

Казанский по профессии был юрист, человек маленького роста, несколько сутуловатый, с немного пискливым голосом, сладковозвучный, когда говорил — пел, удивительно красноречивый, могущий без отдыха и запинки говорить по нескольку часов на любую тему от соц-полит-экономических вопросов до научно-педагогических, исторических и литературных тем, также по вопросам географо-этнографии. Он неплохой поэт и издал книжку стихов, весьма приличных. Это был человек энциклопедического знания, он пользовался заслуженно вниманием всех кругов барнаульского общества. В это время он был и редактором журнала «Алтайский крестьянин». Он очень внимательно и дружелюбно относился ко мне, несмотря на мой сан иерея.

Зобочев был человек совсем другого типа — это был воистину святой человек — по жизни и характеру, кроткий, добрый, отзывчивый, сердечный: за ним мы не знали ни одного минуса.

Эти два человека, решив создать Культпросвет, почему-то при выборе секретаря нашли нужным послать мне предложение выйти за штат и принять на себя обязанности секретаря отдела. Зобочева я лично до того времени не знал. Казанского же я знал. Он, как редактор журнала, напечатал мое длинное воспоминание «Путешествие сибирского сельского священника за границу», помещенное мною в сем томе моих воспоминаний как брошюра. Я принял предложение и перебрался в город, подав прошение о выходе за штат.

Наш отдел решил организовать в селах и деревнях культурно-просветительные общества (благо, теперь не требовалось разрешение губернатора или кого бы то ни было!), для чего мы учредили коллегию инструкторов, в обязанности коих было объезжать села и деревни, и поселки края и помочь тамошней сельской интеллигенции организовывать у себя культпросветобщества или кружки и учреждать кооперативные организации там, где таковых не было. Наше правление составило план работы, Казанский, Зобочев и я образовали правление отдела и пригласили инструкторов, входящих в правление. Финансовый отчет отдела представлялся двум кооперативным союзам — учредителям отдела, ибо они внесли крупную сумму на учреждение отдела, если не ошибаюсь, то по 10 тысяч рублей в год. Позже к ним присоединился Горный союз кооператоров, и затем еще ряд союзов кооперации Алтайского края и даже соседних областей, но я уже не помню их названия.

Работа наших инструкторов шла успешно и область скоро покрылась сетью маленьких местных культпросветов, где работали дружно священники, учителя, кооператоры и другие представители сельской интеллигенции. Инструктора разъясняли на местах сущность политических событий, говорили о новых порядках, создавали народные библиотечки, для чего при отделе образовали книжный склад, в коем вначале преобладали, понятно, соц-политические брошюры, пропагандистские листки об избирательном праве, о жизни других народов, о свободе, о способах управления и т.д. Но вскоре мы сами приступили к изданию бесплатных листов при тираже в 20 тысяч. Я помню, что одна-две листовки были за моим подписом, носившие немного религиозный характер, — я в них разъяснял, что христианство не только не против свободы, но даже стоит за таковую правильно принятую, и приводил даже

тексты, и писал о свободной женщине в этом же духе. Лишь уважением ко мне лично и оценкой моих трудов можно объяснить, что в общем безбожные эсэры, эс-дэки, эн-эсы нашего правления и коллегии инструкторов допустили выпуск таких моих листовок, далеко не соответствующих их воззрениям. Но я им объяснил, что они ведь имеют дело с верующим народом и надо убеждать его с точки зрения его веры, что свобода не есть антихристианское дело, а есть дело высокохристианское: и меня послушались. [...]

В инструкторской коллегии были в общем славные ребята: Островзоров, Новиков, полубольшевик Шалаев, Казанский. Одно время попал в коллегию литератор Ривердатто и еще какой-то полубольшевик. Позже агенты правительства Колчака его арестовали и <мы> подозревали, что он был расстрелян вместе с некоторыми

Иннокентий Серышев (28.08.1883 – 23.08.1976) — священник, эсперантист, востоковед.

Родился в селе Большая Кудара Троицкосавского округа Забайкальской области в семье священника.

По окончании Троицкосавского реального училища поступил в Томский технологический институт, но в 1903 году оставил учебу. Учительствовал в сельской школе. Через два года в Чите был рукоположен в сан диакона, а в 1906 году уже в сане иерея продолжил служение в Забайкальском приходе.

В 1909-м Серышев начал изучать эсперанто, знание которого во многом определило его дальнейшую судьбу. В 1910 году он совершил путешествие по Европе (Германия, Бельгия, Англия, Франция, Италия, Швейцария, Австро-Венгрия, Османская империя). Две недели провел на Афоне.

Вернувшись в Сибирь, получил назначение в Томскую епархию. Предположительно с 1915 года служил в Терешкинском приходе (ныне село Верх-Жилино Косихинского района) и Романовском приходе Барнаульского уезда. Активно популяризировал язык эсперанто.

В связи с событиями 1917 года отец Иннокентий Серышев вышел за штат, перебрался в Барнаул и стал секретарем и членом правления Алтайского культурно-просветительского союза, работал в уездном Каракорум-Алтайском земстве секретарем культурного отдела по внешкольному образованию.

Не приняв власти большевиков, в 1919-м выехал в Японию, в 1922-м обосновался в Харбине. В 1926 году покинул Китай, получив разрешение на въезд в Австралию.

Волею судеб отец Иннокентий Серышев стал первым русским православным священником города Сиднея (Австралия), где сочетал пастырское служение с невероятной по масштабу научно-просветительской и издательской деятельностью.

другими: в то время правительство Колчака вступило на путь полутеррора и было немало печальных инцидентов. [...]

Позже, по моему предложению, приняли в коллегии энергичного молодого человека — Розанова, убежденного эсперантиста. Во время своих поездок по селам он там среди сельской интеллигенции вел интенсивную пропаганду эсперанто. Был у нас еще один инструктор, настоящий большевик, манкировавший своими обязанностями, и я, и другой член правления — учитель Николай Иванович, постарались от него отделаться. В это время мы созвали съезд культурно-просветительских обществ и кружков, на коем было решено преобразовать наш отдел кооперативов в самостоятельный Союз культурно-просветительских обществ Алтая. В члены правления были выбраны: Зобочев, я и учитель Николай Иванович (забыл его фамилию). Я и учитель держались друг за друга и старались (большинством голосов) парализовать некоторые неправильные действия нашего увлекающегося идеалиста председателя и добряка Зобочева, нередко действовавшего в ущерб финансов нашего союза, стараясь помогать тем или иным им протектируемым личностям. Он старался пристроить «в» или «при» союз некоторых способных лиц, например, литератора Ривердатто (поэта), известного писателя Новикова-Прибода. Все эти деяния не входили в сферу Культпросвета, имея лишь отдаленное отношение (протекция искусству), и мы с учителем всячески боролись с Зобочевым, душа коего была открыта для всех, и он готов был объять весь мир, и тем пустить Культпросвет по миру: как человек это был воистину святой социалист, такого же о нем мнения была и моя жена, имевшая с ним дела много позже, когда я покинул Сибирь для Японии, оставив жену на Алтае. И вот мы с учителем решили учинить чистку, добились увольнения неподходящих инструкторов, особенно большевика, тем более это было нужно, что в это время до нас дошел слух, что военные власти Барнаула не только косятся на нас, но и подумывают прихлопнуть наш союз, дающий приют подозрительным лицам. Вот тут-то и пригодилось союзу мое священство: наши «социалисты» вспомнили о сем и просили меня посетить военных представителей и как священник, и член союза поговорить с ними, убедив их в нашей лояльности, и ознакомить их с нашей деятельностью. Я эту задачу выполнил благополучно, тем более что мы уже удалили от себя неудобный подозрительный балласт. [...]

Работа же Культпросвета в это время, естественно, развивалась и ширилась, и укреплялась. Мы создали формовочную мастерскую, где изготавливались и отливались статуэтки — бюсты писателей, причем первым был отлит, чтобы порадовать мое сердце, бюст доктора Заменгофа, автора языка эсперанто. Это было сделано не по моей инициативе. Делали — отливали фигуры слонов и других животных. Затем организовали приготовление чучел птиц и животных для сельских музеев. Позже решили выпускать гербарии полезных растений с их описанием, способом собирания и засушки и пользованиями ими: этим руководил приват-доцент ботаники Добрынин. Это был отличный проект. Для его осуществления мы решили отправлять на Алтай экспедицию для собирания трав и растений, птиц и животных (для чучел, для музеев в селлах), под руководством ботаника Добрынина. Экспедиция была успешной и привезла много сырого материала.

Ввиду расширения нашей деятельности, охватившей не только Алтайский край, но и выходящей за его

пределы, нужны были средства, нам пришлось напрячь усилия для привлечения капитала. В сих целях, по моей инициативе, решили использовать барнаульский музей, коим управляла группа спецов. Я разработал и предложил следующий план захвата музея в наши руки, захвата мирным путем.

В музее сидят и им правят общественно-мертвые люди, пустые души, хотя и спецы в своей области. Вместо чтения лекций и ознакомления публики с музеем и с естественной историей они занимались на своих заседаниях финансовыми делишками музея, чтением своих рефератов для немногих членов музея и больше ничем! Надо ввести туда свежих людей, живых, наших инструкторов и некоторых кооператоров и культурников. Для сего надо постепенно всем нашим культурникам и друзьям войти членами в обществу музея, постепенно, не возбуждая подозрения ученых. А затем, когда нас наберется большинство над числом членов музеев, потребовать созыв общего собрания и сделать перевыборы членов правления, куда провести две трети наших, и таким образом захватить музей в наши руки. Сначала вступил я в члены музея и был даже избран секретарем правления музея. Постепенно принимали новых и новых членов из наших, но не «из наших». Все шло как по маслу. Мы потребовали созыв общего собрания членов музея, на каковой забаллотировали старых членов, выбрали две трети наших и одну треть из старых. Новое правление в моем лице сказало старым членам ученым: ваше дело, спецов, не тратьте времени на финансовые хлопоты и заботы, а, помимо изучения ваших специальных вопросов и тем и чтения научных специальных рефератов, направляйте знания в массы, т.е. чтение общедоступных лекций, а самое главное — сделать музей доступным, интересным, известным народу или хотя бы его представителям, а для сего надо создать платную должность куратора музея, пригласить знающего человека, который давал бы посетителям объяснения экспонатов и вообще подводил бы посетителей к науке. Мы будем водить в музей делегатов учительских съездов, кооператоров, культурников и пр., а финансовую сторону музея мы берем на себя и поставим ее на должную высоту. Нам счастливо удалось найти хорошего (оказавшегося к счастью для меня и верующим) куратора; он объяснял учителям, крестьянам, рабочим, кооператорам, культурникам из сел просто и ясно, освещал вопросы естествознания, и посетители всегда были очень довольны. А мы на съездах кооперации (кредитчиков, потребителей) говорили о музее, им уже знакомом по посещениям, просили о материальной поддержке, и съезды кооперации давали хорошие ассигновки на музей, так что вместо прежних 400–500 рублей в год общего дохода музей имел бюджет в несколько тысяч рублей в год. Так удачным оказался мой «ку д'эта»!

Конечно, многие поняли в городе, что и тут дело «рук Серышева попа», и мое имя стало однозным... [...]

Моя пропаганда языка эсперанто в правлении и коллегии Культпросвета не пропала бесследно — все члены относились к эсперанто благосклонно, что видно хотя бы из факта отлива первого бюста не кого-либо другого, а доктора Заменгофа, создателя языка эсперанто: это было сделано не по моей инициативе. А мои огромные стенные листы с иллюстрированными открытками из 80 стран земного шара, полученные от эсперантистов, свободно висели на стенах Культпросвета и часто фигурировали на съездах то учителей, то кооператоров или культурботников. И для сношения с заграницей мы пользовались этим языком через мое посредничество. [...]

**Иннокентий Николаевич Серышев
с женой Екатериной Фёдоровной. Сидней, 1940-е**

Вскоре я получил от ботаника приват-доцента Добрынина из глубин Алтая телепредложение занять место секретаря Внешкольного отдела наробразовании при новооткрытом Каракарум-Алтайском уездном земстве (в глуби Алтая с центром в селе Улала). Чтобы освободить Культпросвет от своей тяжелой руки я решил принять предложение, тем более, что Алтай привлекал и меня, и мою Катерину своей величественностью и нетронутостью. Жена не раз ездила на Алтай лечиться кумысом и свежим горным лесистым воздухом. Летом 1919 года мы перебрались на Алтай, вглубь его, в село Чемал, где временно располагался Внешкольный отдел, по желанию ботаника Добрынина, облюбовавшего это воистину чудное горно-лесное место. [...]

Моя жена в это время уже жила на Алтае, как раз именно в селении Чемал, на берегу горной бурной реки Катунь, в 180 верстах приблизительно от города Бийска (на реке Бии, притоке Оби).

Бийск лежит в предгорье Алтая. Путь из Бийска в Чемал проходит в пределах горного Алтая, описанного талантливо сибирским писателем Георгием Дмитриевичем Гребенчиковым в его знаменитой эпопее «Чураевы» (вышло пока 7 томов из числа намеченных не то 10, не то 12). На середине пути лежит большое село Улала — административный центр нового уездного земства, центр Алтая. На первое время, по личному вкусу и выбору Добрынина, наш отдел располагался в прекрасном Чемале, среди скалисто-лесистых гор, в основном бору, на берегу бурной Катунь, впадающей в реку Бию. [...]

По приезде в Чемал мы сняли комнату в крестьянском доме, в хорошей семье. Бор начинался сразу за оградой — гора Бешпек. Напротив села тянулась гряда полуголых гор, где я носился с сачком, ловя изящных бабочек «аполлоны», ибо решил экспортировать их за границу эсперантистам-энтомологам, кои очень заинтересовались этой бабочкой (по-видимому, у них нет такой

бабочки или она редко встречается). В противоположность трудно уловимому «махаону» «аполлон» очень доступная и легко уловимая бабочка: доверчивая. Один эсперантист из Германии послал мне в дар целую коллекцию бабочек, и вот я в обмен и решил послать ему как можно больше интересующих его «аполлонов».

Время пребывания моего в Чемале было одним из наиболее приятных, и я, и моя Екатерина всегда с удовольствием вспоминаем теперь это время. Можно смело сказать, что Господь удостоил нас пожить в таком целительном благословенном месте.

В Чемале была двухклассная школа, и моя сестра Варвара получила там место учительницы. Преподавание там велось по современной модной системе самодеятельности учащихся.

Председателем нашего Внешкольного отдела был природный образованный алтаец, доктор Тибер-Петров, проживающий в центре Алтая, в селе Улала, в 60–70 верстах от Чемала на пути в Бийск.

Доктор Тибер настаивал на переводе нашего подотдела из Чемала в Улалу — в центр Алтая, и, наконец, я был вынужден в силу этого покинуть прекрасный Чемал ради далеко непрекрасной Улалы. Моя свояченица Анна тоже получила приглашение Добрынина работать в отделе наробразовании, а моя жена и сестра Варвара остались жить в Чемале, где сестра учительствовала.

В Улале под руководством Тибера мы начали работу. Удалось приобрести по случаю дешево большую библиотеку, и мы занялись ее разборкой и приведением в порядок. Культпросвет снабжал нас своими изданиями, брошюрами, чучелами, бюстами для музея. Я составил приблизительную смету и наметил пункты культпросветительной работы нашего земства. Смету отправили в Омск в Миннарпрос на утверждение. Много позже я узнал в Томске от господина Зеневича, что моя смета и план работы были приняты министерством, и нам было решено отпустить просимую сумму, но оказалось уже поздно выслать нам отпущенную ассигновку ввиду политического кризиса в Сибири — правительство Колчака было накануне возможного его падения ввиду удачного наступления красных со стороны Урала.

В Улале уже чувствовалось тревожное настроение: крестьяне, старoverы «зашевелились»... Атмосфера становилась сгущенной, как перед грозой, насыщенной тревогой. Начались кое-где волнения крестьян и преследование ими сельской интеллигенции: духовенства, писарей, учителей и других. Наконец, 7 ноября 1919 года доктор Тибер-Петров объявил нам, земцам, что ввиду опасного положения работников земства из-за возрастающих народных волнений земство решило самораспуститься и что нас могут довести до Бийска, и там мы будем свободны: кто куда как хочет. Я дал тревожную телеграмму жене в Чемал. Была осенняя распутица и сообщение Чемала с Улалой из-за грозных хребтов и опасных междугорий было почти прервано. Позже оказалось, как я узнал, что бедная Катерина, получив мою телеграмму, наняла дорогого крестьянина и, с большим трудом и опасностями выехав из Чемала, добралась до Улалы, но уже не застала меня — я был эвакуирован, но застала свою сестру, оставшуюся в Улале, и вместе с ней уехала в Чемал не солоно хлебавши — так и не повидавшись со мной.

В Бийске я посетил эсперантиста адвоката Михайловского, но там было мне нечего делать и было опасно жить, так как ежедневно ожидали атаки крестьянских партизан, наводнивших степь между Барнаулом и Бийском. Я решил отправиться в Томск... ❖